

H. van Skyhawk. *Burushaski-Texte aus Hispar (Materialien zum Verständnis einer archaischen Bergkultur in Nordpakistan).* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2003. 508 S. (Beiträge zur Indologie, Herausgegeben von Konrad Mcisig. Begründet von Ulrich Schneider als Freiburger Beiträge zur Indologie. Bd. 38.)

Бурушаски – бесписьменный язык, на котором говорит около 80–90 тыс. человек в отрогах Каракорума на севере Индостана, давно привлекает внимание лингвистов, однако труднодоступность региона и малое количество опубликованного материала (а также его диалектная неоднородность) до последних десятилетий препятствовали более или менее глубокому изучению этого языка. Наибольший корпус материалов собственно языка бурушаски и его диалекта, называемого "вершиквар", "верчиквар", был опубликован в основном в конце 20-х, в 30-е и затем в 60-е годы XX века И.И. Зарубиным и Д. Лоримером [Зарубин 1927; Lorimer 1935a; 1935b; 1938; 1962] и позже, после большого перерыва, в 70-е и в конце 90-х годов Г. Бергером [Berger 1974; 1998].

Вместе с тем, типологическое своеобразие языка (система четырех семантических классов имен, оппозиция отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности с оформлением последней проклитическими местоимениями, особенности строения разных разрядов числительных, структуры глагольных форм и т.д.) резко выделяют его из языков данного региона. Генетически язык бурушаски считается изолированным. Предпринимавшиеся до сих пор попытки связать его с баскским языком, с кавказскими, дравидийскими, тибетскими, мунда, енисейскими строились в основном на базе типологически сходных черт, что не является аргументом в пользу генетического родства. В последнее время появились попытки сопоставления бурушаски с древнейшими языками Средиземноморья [Čašule 1998] и некоторыми другими индоевропейскими языками [Čašule 2003], и тем самым поиски доказательства принадлежности его к индоевропейской семье. Построенные на сравнении отдельных разрядов фонем или некоторых

лексических групп, они могли бы свидетельствовать о родстве бурушаски с индоевропейскими языками, однако только при наличии действительно доказанных системных рядов закономерных фонетических соответствий, чему, во всяком случае, на данном этапе, препятствует фрагментарность имеющегося опубликованного материала. Все эти построения нуждаются в дополнительной серьезной аргументации, а следовательно и в пополнении опубликованных данных этого языка.

В пополнении данных нуждается также и более глубокое изучение синхронного строя языка бурушаски и его внутренней истории: существующие синхронные описания его фонологической, грамматической и лексической системы (см., например [Lorimer 1935a; Климов, Эдельман 1970; Berger 1974; 1998; Эдельман 1996; Tikkanen 1999] и опыты диахронического анализа некоторых фрагментов его языкового строя на более раннем этапе в виде внутренней реконструкции отдельных предшествующих морфологических и словообразовательных подсистем (например [Климов, Эдельман 1974; 1995; Tikkanen 1999]) могут быть существенно дополнены и откорректированы с учетом новых материалов, включая диалектные. Поэтому, несмотря на наличие опубликованных текстов и словарей в таких фундаментальных трудах, как указанные выше монографии Д. Лоримера и Г. Бергера (а также на наличие ряда других публикаций этих и других авторов, в частности [Зарубин 1927]), мы все еще находимся на уровне, когда существуют заметные лакуны – в виде отсутствия полных парадигм многих слов, отсутствия сведений о названиях ряда реалий, понятий, действий и т.п., то есть на уровне, когда всякое пополнение корпуса материала есть благо.

Рецензируемая книга Хью ван Скайхоука интересна с разных точек зрения. На с. 13 указывается основная цель издания: составить представление о мировоззрении и архаичной картине мира информантов и, в частности, о месте в этой картине "сверхъестественного" через анализ соответствующей культурной лексики. Таким образом, книга представляет весьма большой интерес не только для лингвистов, но и для фольклористов и этнографов. При этом она несомненно способствует существенному пополнению недостающего языкового материала, и уже одним этим представляет большую ценность для изучения языка бурушаски. Даже факт публикации текстов бурушаски уже сам по себе заслуживал бы особого внимания языковедов. Тем более ценной представляется такая тщательная и грамотно осуществленная публикация, с четкой фонетической фиксацией текста и с продуманными лингвистическими комментариями.

Следует подчеркнуть также, что помимо представления диалектных текстов, то есть языкового материала, в монографии обсуждаются многие существенные проблемы собственно лингвистического и этнолингвистического плана, относящиеся не только к языку бурушаски, но и к изучению других бесписьменных малоисследованных языков. Это особенно важно на данном этапе лингвистических исследований в связи с большим интересом к языкам малочисленных народов (усилившимся в связи с программой ЮНЕСКО "Языки в опасности") и с бурным ростом этнолингвистических исследований на новом витке развития и языкознания (в разных его аспектах), и этнографии. Инструктивными в этом отношении служат труды по славянской этнолингвистике (см., например [Толстой 1995; 2003]). Это важно также в связи с развивающимися сейчас этнолингвистическими исследованиями языков Памира и Гиндукуша, – регионов, примыкающих к ареалу нынешнего бытования языка бурушаски и входящих вместе с ним в ареал Центрально-азиатского языкового союза. Известно, что в грамматической структуре и лексике языков этих регионов прослеживаются определенные субстратные черты, идущие от языка бурушаски (или материально и типологически близких ему диалектов, см. [Эдельман 1980]), а это означает, что в прошлом народов, населяющих эти регионы, были теснейшие арийско-бурушаскские контакты, периоды двуязычия и перехода с одного языка на другой. Следовательно, влияние бурушаски в этом регионе может обнаруживаться не только в чис-

то лингвистическом, но и в этнографическом и в этнолингвистическом плане.

Основу книги составляет публикация 21 больших оригинальных (т.е. не переводных) текстов на языке бурушаски, а именно на одном из говоров, входящих в диалект Нагера.

Говор бытует в селении Гиспар (Hispar), расположенном в труднодоступном регионе на высоте 3100 м между огромными ледниками, в отрогах Каракорума (север Индостана), в пограничной области между Центральной и Южной Азией. В силу удаленности и труднопроходимости местности носители этого говора сохраняют до сих пор архаичное видение мира, которое на 100 км южнее и в соседнем округе Гильгит уже забыто. Официально жители Гиспара на протяжении последних столетий являются шиитами.

Вплоть до самого последнего времени район Гиспара, как и многие другие области, примыкающие к Каракорумскому хребту, представлял собой "белое пятно" на лингвистической карте. Если не считать кратковременного посещения этого района в 1908 году американскими географами, до сегодняшнего дня он оставался вне поля зрения исследователей. Сведения о нем и его жителях были крайне скудны и отрывочны. Между тем, благодаря своему географическому положению данная область не может не представлять интереса, например, для специалистов по ареальной лингвистике. Она расположена на границе ареала языка бурушаски и Балтистана – области распространения северо-западных диалектов тибетского языка. С востока к ней примыкает Синьцзян, населенный тюркоязычными уйгурами и ираноязычными ваханцами и сарыкольцами. Вполне естественно ожидать, что языковые данные, собранные в такой пограничной зоне, помогут пролить свет на имевшие место в прошлом языковые и этнические контакты. В этой связи хотелось бы отметить как большую научную ценность материала, приведенного в рецензируемой книге, так и отрядность самого факта ее появления. Он свидетельствует о возрастающем интересе исследователей к многоязычному региону Каракорума.

Тексты публикуются в транскрипции на основе латинской графики с переводами на немецкий язык, а также, по мере надобности, с грамматическими и лексическими комментариями. Монография снабжена списком "новых", то есть не публиковавшихся ранее, слов и объемным индексом.

Книга начинается с "Предисловия" (с. XIII–XVI), к которому приложена часть содержащихся в книге иллюстраций: карты местности, рисунки и фотографии домашней утвари,

устройства местного дома и его фрагментов, планы построек, ирригационной системы и т.п. с названиями на бурушаски, а также фотографии носителей языка, включая фото рассказчиков и их жестов, сопровождавших повествование. Все это помогает дальше, при знакомстве с текстами, представлять себе упоминаемые в них реалии.

Глава 1 "Введение" (с. 1–58), после вводных соображений и списка условных знаков и сокращений, аббревиатур информантов (с. 1–2), посвящена обсуждению существенных вопросов, связанных с изучением малочисленных народов Центральной Азии, независимо от генетической принадлежности самих языков. Здесь рассматриваются проблемы учета этнических и соответственно этнолингвистических факторов при записи и исследовании языкового материала и подчеркивается важность этого учета.

В этой же главе (с. 7 и сл.) обсуждаются возможности перевода названий некоторых местных понятий на другие языки, в особенности когда речь идет о переводе понятий, существующих в одной культуре, на язык другой культуры. В частности, интересны мысли автора о терминах "шаман", "шаманизм" и тенденциях европоцентризма при употреблении этих терминов. Как справедливо указывается здесь (и в других местах работы), особые трудности возникают при переводе названий того или иного сверхъестественного феномена, соответствие которых принятым европейским терминам весьма условно. Здесь же приводятся примеры таких слов, приблизительно соответствующих сходным понятиям в немецком языке: *pari* "Fee", *hílas* "Hexe", *dánlaṭhas* "Dämonenweib", *jin* "Jinn", *hírbilas* "Kyklop" и некоторые другие.

Далее (с. 13) формулируются цели данной публикации. Особое внимание уделено в этой главе также публикуемым текстам как отражениям этнокультурной традиции речи, искусства построения монолога и диалога, местным способам и традициям организации повествовательного текста (с. 38 и сл.).

Сами тексты и списки слов с объяснениями сгруппированы в главах 2–5 (см. 59–453). Основа их группировки – тематическая, однако в ряде случаев она различается и способом презентации материала. Тексты и слова распределены по темам: история селения, сельское хозяйство, исчисление времени и связанные с временами года празднества и обычаи, древние верования, рассказы о героях.

В главе 2 (с. 59–144) – "К истории селения" даны рассказы информантов о заселе-

нии Гиспара, об истории семей, о родословных. При этом первый рассказ (с. 60–102) разбит на фразы, которые приведены с подробными грамматическими комментариями (с отсылками к соответствующим главам и параграфам в грамматике Г. Бергера [Berger 1998, Т. I]) и с указанием словарной формы слова (с отсылками к соответствующей странице в словаре Г. Бергера [Berger 1998, Т. III]), а также с стилистическими пометами; далее (с. 103 и сл.) следует литературный перевод текста с комментариями и параллелями из других источников и пр.

Второй и третий тексты данной главы (с. 120 и сл.), как и практически все последующие, разбиты на большие абзацы, каждый из которых сопровождается немецким переводом. Этот текст, как и многие тексты других разделов, представляет собой рассказ двух информантов: один рассказывает, другой задает наводящие вопросы, подает реплики, подтверждает высказывание или переспрашивает. Комментарии – лексические, грамматические, объяснения реалий и пр. – вынесены в постраничные сноски. В конце главы приводится общий содержательный комментарий.

Глава 3 (с. 145–203) состоит из текстов, посвященных описанию сельскохозяйственных работ, перечислению времен года, сезонов, месяцев (с. 167 и сл.). Сюда же входит собственно этнографический раздел (с. 170–179): описание праздников, связанных с определенными временами года, с особым вниманием к празднованию Ноуруза (отсутствие текста на бурушаски частично компенсируется здесь наличием местных бурушаскских терминов, обозначающих сами праздники, а также ритуалы, обычаи и реалии, связанные с этими праздниками). Далее здесь же приводятся тексты песен, как исполняемых во время Ноуруза (с. 180–184), так и других (с. 185 и сл.), также сопровождаемые различного рода комментариями. В эту главу (с. 200 и сл.) входят и чисто лексические разделы: списки названий частей и деталей местной мельницы, ткацкого станка, а также список микротопонимов – названия местностей в окрестностях Гиспара и др.

Глава 4 (с. 205–377) целиком посвящена текстам о местных верованиях и "шаманизме". Первый из них (с. 205–272) "О шаманах из Гиспара" записан как монолог одного информанта, остальные – с использованием элементов диалога, как и тексты предыдущих разделов. Все тексты даются в разбивке на абзацы, с переводом и подстрочными комментариями, содержащими объяснения сути повествования или терминов, обозначающих конкретные местные реалии, сведения о грамматической форме того или иного слова

или подбор синонима и т.д. Здесь же даны библиографические отсылки.

Глава 5 (с. 379–456) содержащая большой текст с разного рода комментариями, практически продолжает тематику и способ подачи материала главы 4, с элементами волшебной и исторической сказки.

Книгу заключают разделы: "Список новых слов" (с. 457–458) с указанием текста и абзаца в книге, где это слово встречается; "Список литературы" (с. 459–489) и индекс собственных имен, топонимов и терминов (с. 490–506).

Таким образом, рецензируемая книга представляет собой своевременную публикацию, выполненную на высоком современном уровне. Мы имеем не только большой новый корпус материалов в достоверной транскрипции, но и возможность серьезного обсуждения ряда проблем собственно лингвистического и этнолингвистического плана, существенных не только для языка бурушаски, но и для других бесписьменных языков Средней и Центральной Азии.

Так в текстах 4-й и частично 5-й главы особенно наглядно выявилось то, о чем писал автор во "Введении", а именно трудности перевода терминов духовной культуры носителей языка бурушаски на другие языки, отражающие понятия другой культуры. Особенно это ощутимо, когда речь идет о терминах для явлений и персонажей "сверхъестественного" мира. Переводы типа "ведьма", "циклоп" и прочие не отражают – или не вполне отражают – образы местных "потусторонних" персонажей и их сущность и функции. Это одно из трудных мест этнолингвистического исследования и описания языка, и автор вполне прав, говоря о сложности перевода таких терминов при стремлении избежать "европоцентризма".

Второе трудное место такого исследования – сама возможность полевого сбора и записей текстов (и шире – вообще всяких сведений) о местных верованиях, кроме официальных (в данном случае – об установлениях официального ислама). Как указано и во "Введении", информанты далеко не всегда охотно рассказывают о них, тем более "чужому" исследователю. И тот факт, что автор прибегнул здесь к форме диалога носителей языка, к участию (пусть даже не вполне активному) второго собеседника, "своего" в глазах основного рассказчика, свидетельствует о мастерском владении Х. ван Скайхоуком методикой полевого исследования малознаменного языка.

Следует отметить также, что такая запись текста с элементами диалога дает, кроме этнолингвистического, большой собственно

лингвистический выход: в результате такого приема наблюдается относительно свободный синтаксис фраз, выявляются возможности вариативности некоторых форм и конструкций, а при наводящих вопросах и при переспросе мы часто видим ответ, содержащий уточненное или трансформированное высказывание, аналогичное по содержанию предыдущему. Характерно наличие частиц, междометий и других элементов живой разговорной речи. Все это дает возможность уточнить некоторые элементы морфологии и синтаксиса языка бурушаски.

Несомненным плюсом является пополнение сведений о лексическом составе бурушаски – не только в виде списка новых слов, но и в виде расширения сведений о круге значений того или иного известного ранее слова. Содержащиеся в книге иллюстрации представляют собой наглядные "пособия к лексике". Важны также содержащиеся в переводе текстов в скобках указания на жесты, интонацию, на тип высказывания (например, риторический вопрос, пауза при обдумывании ответа и т.д.).

Из недостатков, не искажающих содержание книги, но затрудняющих пользование текстами, можно отметить слишком большую протяженность абзацев, подлежащих последующему переводу, в результате чего не всегда легко соотнести слово в тексте бурушаски со словом немецкого перевода. Для языка с такими морфологически сложными словоформами, как бурушаски, хотелось бы видеть более дробное членение на фразы или наличие подстрочного перевода.

Поскольку книги Г. Бергера доступны не всем, хотелось бы видеть в работе Хью ван Скайхоука более или менее подробный список транскрипционных знаков с объяснениями обозначаемых ими звуков (особенно гласных, поскольку, например, не всегда ясны различия между звучаниями *aa* и *áa*, *ii* и *if* и т.п.).

В целом же выход в свет этой книги следует только приветствовать, поскольку она существенно обогащает наши знания о языке бурушаски в самых разных аспектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зарубин 1927 – И.И. Зарубин. Вершикское наречие канджутского языка // Записки Коллегии востоковедов. 1927. Т. II. Вып. 2.
Климов, Эдельман 1970 – Г.А. Климов, Д.И. Эдельман. Язык бурушаски. М., 1970.
Климов, Эдельман 1974 – Г.А. Климов, Д.И. Эдельман. К названиям парных частей тела в языке бурушаски // Этимология 1972. М., 1974.

- Климов, Эдельман 1995 – Г.А. Климов, Д.И. Эдельман. К перспективам реконструкции истории изолированного языка (на материале языка бурушаски) // ВЯ. 1995. № 5.
- Толстой 1995 – Н.И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Толстой 2003 – Н.И. Толстой. Очерки славянского язычества. М., 2003.
- Эдельман 1980 – Д.И. Эдельман. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // ВЯ. 1980. № 5.
- Эдельман 1996 – Д.И. Эдельман. Бурушаски язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1996.
- Berger 1974 – H. Berger. Das Yasin-Burushaski (Werchikwar). Grammatik, Texte, Wörterbuch. Wiesbaden, 1974.
- Berger 1998 – H. Berger. Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil I: Grammatik; Teil II: Texte und Übersetzungen; Teil III: Wörterbuch. Wiesbaden, 1998.
- Čašule 1998 – I. Čašule. Basic Burushaski etymologies. The Indo-European and Paleo-Balkan affinites of Burushaski. München, 1998.
- Čašule 2003 – I. Čašule. Burushaski names of body parts of Indo-European origin // Central Asiatic journal. 2003. V. 47. Pt. 2.
- Lorimer 1935a – D.L.R. Lorimer. The Burushaski language. I: Introduction and grammar. Oslo, 1935.
- Lorimer 1935b – D.L.R. Lorimer. The Burushaski language. II: Texts and translations. Oslo, 1935.
- Lorimer 1938 – D.L.R. Lorimer. The Burushaski language. III: Vocabularies and index. Oslo, 1938.
- Lorimer 1962 – D.L.R. Lorimer. Werchikwar-English vocabulary. Oslo, 1962.
- Tikkanen 1999 – B. Tikkanen. Concerning of typology of Burushaski and the roots of its prefixes *d-* and *n-* // Studia orientalia. 1999. № 85.

Д.И. Эдельман, А.И. Коган